

Лингвистика

УДК 811.161.1'0

Л.Ф. Килина, С.Р. Зайнуллина

ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫЕ УСТОЙЧИВЫЕ СОЧЕТАНИЯ С КОМПОНЕНТОМ *ЖИВОТЪ*: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ XIII–XV вв.)

В статье рассматриваются древнерусские глагольно-именные устойчивые сочетания с компонентом *живот* в функциональном и структурно-семантическом аспектах. Материалом исследования являются тексты русских летописей XIII–XV вв., представленные в древнерусском подкорпусе Национального корпуса русского языка. В результате проведенного анализа установлено, что в текстах летописей функционируют сочетания, как зафиксированные, так и не зафиксированные в исторических словарях XI–XVII вв. Устойчивые сочетания употребляются при описании ситуации смерти, которая может быть жертвенной, а также ситуации избавления от смерти (сохранения жизни) по различным причинам. Все рассматриваемые сочетания обладают признаками устойчивых единиц: частотностью употребления, слитностью значения, закрепленностью за определенной ситуацией. На традиционный характер глагольно-именных сочетаний с компонентом *живот* указывает и тот факт, что они формально и семантически сближаются с современными фразеологизмами.

Ключевые слова: летопись, устойчивые сочетания, глагольно-именные, компонент, фразеологизм, значение.

Язык русских средневековых произведений отличается клишированностью: в древнерусских текстах содержится множество устойчивых сочетаний. Как отмечает известный специалист в области древнерусской литературы академик А.С. Орлов, «в средние века русской письменности внешность ее произведений была менее богата, мы имели меньше материала для выражения и поэтому дорожили им – отсюда повторение и некоторое однообразие схем и формул. <...> Пользование стереотипным шаблоном <...> есть общее свойство средних веков» [6. С. 50].

Формульность древнерусского языка эксплицируется в тексте посредством единиц особого ранга, представляющих собой своеобразные устойчивые сочетания. Исследованием подобного рода единиц занимается фразеология, понимаемая как «раздел науки о языке, изучающий систему языка в ее современном состоянии и историческом развитии» [14. С. 4]. Однако трудность состоит в том, что «не установлено диахроническое развитие фразеологии» [12. С. 4], «перспективная линия изучения (от древнейшего состояния к современному) фактически не представлена», отсутствуют также критерии, позволяющие выявлять устойчивые сочетания в древнерусском тексте [7. С. 51]. Показательно, что крайне трудной является задача составления диахронического фразеологического словаря [1. С. 7]. Такого словаря до сих пор нет, хотя известны случаи выпуска подобных изданий. Можно вспомнить, например, первый и пока что единственный в своем роде «Фразеологический словарь старославянского языка», изданный в 2011 г., а также многочисленные труды, в которых прослеживается история отдельных фразеологических единиц (см. работы В.М. Мокиенко, Н.М. Шанского и др.). Кроме того, некоторые сведения о древних устойчивых сочетаниях можно найти в статьях исторических словарей.

Изучение устойчивых сочетаний на современном этапе также связано с рядом трудностей. На отличия в определении границ фразеологии обращает внимание В.М. Мокиенко, который отмечает, что фразеологизмы могут пониматься как 1) сочетания слов с обобщенно-переносным значением, неразложимым на части (*бить баклуши* – ‘бездельничать’, *сломя голову* – ‘стремительно’ и т.п.); 2) словосочетания, воспроизводимые в готовом виде (*спокойной ночи, дамы и господа* и т.п.); 3) пословицы, поговорки, цитаты (без труда не вынешь и рыбку из пруда или рукописи не горят и т. п.) [4. С. 4]. Обобщив различные подходы к толкованию термина *фразеологизм*, ученый приходит к выводу, что данная единица представляет собой такое «сочетание, которое может воспроизводиться в готовом виде, обладает слитностью значения составляющих его слов и экспрессивностью» [4. С. 4]. Однако необходимо заметить, что фразеологизмы, понимаемые как речевые штампы, которые в процессе коммуникации не создаются, а извлекаются из памяти целиком, не обладают признаком идиоматичности: значение таких сочетаний, как *спокойной ночи, дамы и господа*, равно сумме значений компонентов фразеологизма. В таком случае В.М. Мокиенко делает оговорку и предлагает понимать

слитность значения еще и как тесную «привязку» значения одного из слов сочетания к другому (*крошечная тьма, скоропостижная смерть*).

Действительно, подобного рода ограниченная сочетаемость, являющаяся основным признаком фразеологизма, свойственна также огромному множеству языковых единиц, компоненты которых с точки зрения лексической сочетаемости не являются свободными. Речь идет прежде всего о традиционных глагольно-именных сочетаниях типа *принять во внимание, одержать победу, показывать пример, высказать мнение* (ср. нельзя *взять во внимание, получить победу, демонстрировать пример, объявить мнение*) и т. д.

Традиционный характер лексической сочетаемости слов с позиций современного русского языка объяснить довольно сложно. Многие из знакомых нам устойчивых сочетаний являются очень древними, что подтверждает мысль о слитности их компонентов. В этом смысле перспективным является исследование глагольно-именной сочетаемости в текстах древнерусского периода.

Ключевую роль в развитии новых значений играет именной компонент древнерусского словосочетания. В качестве *предмета* исследования нами были выбраны устойчивые сочетания с именным компонентом *животъ*. В.В. Колесов говорит о том, что древние русичи использовали слово *животъ*, прежде всего, для обозначения земной жизни в противоположность вечной жизни, то есть жизни на небесах: «Это типично русское слово, наиболее характерное для древнерусского языка. Оно отражает и впечатления язычника о жизни: живое (*животъ*) не вкладывается извне, со стороны, творцом; наоборот, живое единит человека и божество – представление, не приемлемое для христианства. Выражая самое общее понятие из всего ряда слов, обозначавших процесс жизни, оно породило во множестве устойчивые сочетания, дошедшие и до нас (*не пощадим живота своего, положить живот за правое дело, лишить живота* и др.)» [2. С. 78].

В исторических словарях данное существительное представлено со следующими значениями: ‘жизнь, *vita*’ ‘животное, *animal*’, ‘имение, имущество’ [10-1. С. 867-869], ‘жизнь, существование; период жизни, век; бессмертие (даруемое богом); образн. о Христе’, ‘животное’, ‘имущество, нажитое’ [8-3. С. 257-258], ‘жизнь; образ жизни’, ‘всякое живое существо; животное’, ‘домашний скот’, ‘все, что нажито, имущество; домашний скерб, пожитки (обычно мн.)’, ‘живот’ [9-5. С. 103-104].

Устойчивые словосочетания с компонентом *животъ*, представленные в исторических словарях, можно разделить на следующие группы¹:

1) предложно-именные: *при животѣ, въ животѣ* ‘при жизни’, ‘в мое время’, *до живота* ‘до смерти’, ‘до конца жизни’, *по животѣ, после живота* ‘по смерти’;

2) атрибутивные: *последнии животъ* ‘конец жизни’, *здоровымъ животомъ* ‘въ полномъ здоровьи’ (‘в добром здравии’), *временный животъ, вѣчныи животъ, верема (время) живота, древо живота*;

3) глагольно-именные: *изпробрѣщи животъ, отъдати животъ, отълучитисѧ живота, отъходити живота, положити животъ, отчаятисѧ живота, съкончатисѧ животъ* ‘умереть’;

4) предикативные: *въ животѣ нѣтъ, въ животѣ не стало* ‘нет в живых’.

В данном исследовании мы сосредоточимся на глагольно-именных сочетаниях, поскольку именно они являлись наиболее древними. О таких первичных формулах В.В. Колесов пишет, что они «стилистическим средством стали только в момент их разрушения» [3. С. 137]. Процесс возникновения и становления формулы как стилистического средства находился в отношениях взаимной обусловленности с процессом распада именного синкретизма: постепенно происходила своего рода семантическая сепарация компонентов изначально устойчивого оборота. Регулярно употребляясь в подобных друг другу фрагментах, со временем глагольно-именные обороты стали восприниматься как маркеры определенного типа текста. Таким образом, глагольно-именные устойчивые сочетания в древнерусский период являлись основным средством экспликации смыслов, ранее не имевших путей выражения в языке.

В качестве *материала* для настоящего исследования были выбраны тексты Новгородской 1-ой летописи по Синодальному списку (сер. XIII в. – вторая четверть XIV в.), Суздальской летописи (XIV в.), а также Волынской, Галицкой и Киевской летописей (первая четверть XV в.), включенные в

¹ Примеры из текстов летописей даются в упрощенном графическом виде, выносные буквы приводятся в строке в скобках, титла опущены, надстрочные знаки не воспроизводятся, буквой Ъ обозначена буква «ять», буквой А – буква «юс малый».

состав древнерусского подкорпуса Национального корпуса русского языка (http://www.ruscorpora.ru/search-old_rus.html).

В исследуемых текстах функционируют следующие глагольно-именные сочетания, нашедшие отражение в словарях: *съконьчати животъ*, *отъдати животъ*, *положити животъ*, *изпробръщи животъ*. Все эти устойчивые единицы связаны с языковой репрезентацией ситуации смерти, т.е. окончания земного существования человека, слово *животъ* в них выступает в значении 'жизнь, существование; период жизни, век', глаголы же несут разную смысловую нагрузку.

Ситуация смерти в исследуемых летописных текстах чаще всего фиксируется сочетанием *съконьчати животъ* 'умереть' [10-3. С. 720]. Глагол *съконьчати* в данном случае имеет значение 'окончить' [10-3. С. 720]. *Съкончати животъ* – буквально 'окончить жизнь', т.е. прекратить земное существование.

В летописных фрагментах может отсутствовать информация о причине смерти, иногда есть указание на то, что смерть может наступить внезапно или же являться следствием болезни. Приведем примеры:

- *и иде (Жирята) с дружиною своею и пребы(сть) тамо мало и сконьча животъ свои и положиши(а) и оу цркве стая Трца юже бѣ самъ создалъ* (Суздальская летопись);

- *а король бѣше тогда впалъ в болѣсть великоу, в неуже и сконча животъ свои, и положиша во цркви стѣ Бци, в Холмѣ юже бѣ самъ создалъ, се же король Данило кнѣзь, добрый хоробрыи* (Волынская летопись);

- *татарове приспѣша, кнзь же не оупѣвъ ничто же побѣже, і бѣ на рѣцѣ сити, і постигоша і, і животъ свои сконча тоу* (Новгородская 1-я летопись. Синодальный список).

Смерть может наступить в результате убийства, которое в некоторых случаях описывается достаточно подробно: *яко налегоса силою и выломіша двѣри и вѣлѣзоша на нь и ту и насоунуша рогати-нами и ту сконьчѣ животъ свои* (Новгородская 1-я летопись. Синодальный список). В данном фрагменте повествуется о том, как убили князя Андрея: князь был один, напавших на него много, они навалились на дверь, выбили ее, потом на нее залезли, ударили копьями (рогати-нами), и князь умер.

Зафиксированное в историческом словаре устойчивое сочетание *съкончѣти животъ* включает в свой состав глагол совершенного вида: это связано с представлением о смерти человека как о действии, ограниченном определенным временным пределом. При этом летопись содержит вариант рассматриваемого сочетания с глаголом несовершенного вида – *коньчѣти животъ*. Рассмотрим данный пример употребления более подробно: *а кнзи имѣше издавиша подѣкладѣше подѣ дѣски а сами вѣрхоу сѣдоша обѣдати и та(к) животъ ихъ кончѣша* (Новгородская 1-я летопись. Синодальный список). В примере говорится о том, как татары жестоко убивали сдавшихся им русских беглецов: клали на них доски, затем садились на эти доски так, что жертвы оказывались раздавлены насмерть. В данном случае выбран глагол несовершенного вида, поскольку фрагмент содержит описание процесса убийства, что для летописи как для жанра, стремящегося к фактографичности, не является типичным. Отметим также, что сочетание *кончѣти животъ* в данном случае следует понимать не как 'умереть', а как 'убивать': глагольно-именная конструкция обозначает действие, направленное в противоположную сторону (ср. обозначение объекта действия в примерах *животъ свои сконча* и *животъ ихъ кончѣша*). Получается, что сочетание *(с)кончѣти животъ*, вне зависимости от видового значения, способно выражать два разнонаправленных действия – 'умереть' ('умирать') и 'убить' ('убивать'), и только в контексте возможна актуализация одного из этих значений посредством существительного или местоимения со значением лица, на которое действие оказывается направлено.

В современном русском языке глагол *skonchAtи* отсутствует, однако существуют другие приставочные образования, являющиеся компонентами фразеологизмов. Один из таких фразеологизмов – *окончить жизнь* – на данный момент следует считать устаревшим: **Окончить жизнь** чью. Устар. Убить, лишить жизни кого-либо. [Святослав:] Рази, губи меня, мне век к напастям дан, – Окончи жизнь мою, бедами отягченну (Я. Княжнин. Ольга) [13]. Второй интересующий нас фразеологизм является нейтральным и частотным: **Покончить с собой**. То же, что покончить <жизнь> самоубийством. Где-то в верхнем этаже раздался выстрел – кто-то покончил с собой (Некрасов. Утро) [13]. Как видим, фразеологизмы, указанные в словарях современного литературного языка, зафиксировали оба древних значения сочетания *(съ)коньчѣти животъ*: *окончить жизнь* 'убить', *покончить с жизнью* 'умереть, убить себя', причем во втором случае произошло развитие значения (человек уходит из

жизни по собственной воле). Кроме того, с течением времени произошла замена компонента *животъ* на *жизнь*, что обусловлено семантическим развитием языковых единиц.

Сочетание *отъдати животъ* приведено в словарях со значением ‘пожертвовать жизнью, отдать жизнь за что-либо’ [9-13. С. 225], ‘умереть’, синонимичным является сочетание *отъдати доушоу (дохъ)* (http://onlineslovari.com/slovar_drevnerusskogo_yazyika_vv/page/otydati.8705/). Общее значение сочетания обусловлено значением глагола *отъдати* ‘отдать, пожертвовать’ [10-2. С. 785] (в качестве иллюстративного материала в словаре приведены примеры, совпадающие с примерами из нашей выборки). В исследуемых текстах *отъдати животъ* употребляется при описании ситуации смерти во имя кого-либо или чего-либо: *члвклбче, въ оноу въѣѣ стати, со всѣми оугодившими ти ить въѣѣ, іже кровь свою проляша за стоую софью, животъ свои итьдавшие чстно і даша посади-ничьство павиѣ онаньичю, а тысѣчьског не даша никому (ж)* (Новгородская 1-я летопись. Синодальный список). Обратим внимание, что данное сочетание употребляется в одном контексте с другой устойчивой единицей – *кровь проливати (за кого-либо, что-либо)*, которая также обычно связана с ситуацией жертвенной смерти. Интересен и тот факт, что в текстах летописей *отъдати животъ* может фиксировать ситуацию готовности к смерти, когда речь идет о желании или стремлении погибнуть во имя кого-либо или чего-либо: *сташа около его пълкомъ и оурадивъше на .е. пълковъ кнзъ же оузрѣвъ радъ ихъ оже хотѣтъ крѣпко животъ свои итьдати и не поеха нъ присла влдоу митрофана съ всѣми добрыми повѣстьми и съвѣде и влдка въ любовь и кр(с)тъ цѣлова* (Новгородская 1-я летопись. Синодальный список).

Рассматриваемое сочетание соотносится с современным фразеологизмом *отдать жизнь*: **Отдавать жизнь за кого, за что. Отдать жизнь за кого, за что.** Погибать, умирать за кого-либо, во имя чего-либо. Под городом двести товарищей легло, навсегда погибло... Жизнь, не задумываясь, отдали за наше счастье, за наше дело (Н. Островский. Как закалялась сталь). Не забудем тех героев, Что лежат в земле сырой, Жизнь отдав на поле боя За народ – за нас с тобой (С. Михалков. Быль) [13].

Реже употребляется сочетание *положити животъ* ‘умереть, пожертвовать своей жизнью, здоровьем’ [9-16. С. 237], в нашей выборке всего один случай: *Козланъ жѣ свѣтъ створше, не вдатисѣ Батью, рекше яко аще кнѣзь нашъ мла(д) есть, но положимъ животъ свои за нь, и сде славою сего свѣта приимше, и тамъ нб(с)ныѣ вънца ить Х(с)а Ба приимемъ* (Галицкая летопись). Глагол *положити* в данном случае имеет значение ‘положить, отдать, пожертвовать’ (напр. *Иже положи душу свою за люди своя*. Нест. Бор. Гл. 54), ср. также *голову положити* ‘умереть, пожертвовать жизнью’ [10-3. С. 1133]. Данное сочетание, как и предыдущее, фиксирует ситуацию смерти, при которой жизнь отдается во имя чего-либо или кого-либо (*положимъ животъ свои за нь*).

В современных фразеологических словарях и в «Большом словаре русских поговорок» обнаруживаем сочетание *положити животъ* с пометами устаревшее, книжное, высокое: **Положить живот.** Книжн. Высок. Погибать, жертвовать собою. «Свет ты мой, Иван Кузьмич, удалая солдатская головушка! Не в честном бою положил ты свой живот, а сгинул от беглого каторжника!» (Пушкин. Капитанская дочка) [13]. Положить живот за кого, за что. Книжн. Устар. Высок.; Брян. Умереть, погибнуть (обычно в бою) за кого-л., что-л. БМС 1998, 186; БТС, 305; Ф 2, 69; СБГ 5, 69. < Живот – в древнерусском языке – ‘жизнь’ [5. С. 230]. Кроме того, в современном русском языке употребляется фразеологизм *класть (положить) жизнь*: **Класть жизнь. Положить жизнь.** 1. Книжн. Гибнуть, погибать за какое-либо дело. Мы на полях сражений жизни клали. Чтоб ты счастливой, Родина, была! Чтоб дети наши свиста пуль не знали... (А. Сурков. Мужество). Замечательным человеком был между нами ротмистр... Карл Карлович Левенвольдт, положивший свою жизнь в Бородинской битве (С. Волконский. Записки). – Почто, спрашиваю, так?» А по то, что закон такой есть. Полагается. Всем, кто с войны возвращается, мука положена». Какой же это закон, думаю? У нас папа жизнь положил, а нам ни зёрнышка, а тут здоровый мужик к семье вернулся, да ему же ещё и муки... (Ф. Абрамов. Две зимы и три лета). 2. Экспрес. Затрачивать много сил, усилий, стараний и т. п. В эту работу (воспитание детей) вы кладёте свою жизнь (Л.Н. Толстой. Так что же нам делать?). Щепкин отвернулся и пошёл в дом: горело его село, на которое он положил свою жизнь (А.Н. Толстой. Приключения Растегина) [13]. Таким образом, древнерусское устойчивое сочетание отмечено в словарях современного языка с аналогичным компонентным составом (с существительным *животъ*), однако более употребительным следует считать фразеологизм *положить жизнь* с отмеченной выше заменой именного компонента. Исходное значение устойчивого сочетания не изменилось, но появилось еще одно, экспрессивное.

Особенность употребления сочетания *изпроврѣщи животъ* 'умереть, лишиться жизни' [9-6. С. 297] заключается в том, что оно фиксирует ситуацию смерти, которая оценивается негативно за счет употребления наречия *злѣ*. В таких фрагментах речь обычно идет о смерти грешников, убийц, врагов Руси: *бо сѧ болѣзнь его на главу ему и на верхъ его неправда его снуде ровъ изры и ископавъ ему впадесѧ в ню то бо злѣ изъспроверже животъ свои* (Суздальская летопись). Сочетание *изпроврѣщи животъ* представляется более образным, чем все рассмотренные ранее единицы. Глагол *изпроврѣщи* (*испроврѣщи*), функционировавший в древнерусском языке в разных значениях, так или иначе связанных с идеей вращения, переворота, изменения положения в пространстве, в данном случае, очевидно, имеет значение 'извергнуть', указанное в «Словаре русского языка XI-XVII вв.» (ср. *Злосмрадную свою душу злосмрадного своего тѣлеси испроверже*. Пов. Бор. Год., 166. XVII в.) [9-6. С. 296]. Если понимать значение сочетания *изпроврѣщи животъ* буквально, то, с точки зрения средневекового сознания, умирая, человек «извергает» из себя жизнь, как если бы она была чем-то материальным, осязаемым (ср. современный фразеологизм *испустить дух*). Отраженный в языке перенос значения из конкретной сферы в абстрактную является типичным для средневековой картины мира: «Мифологическое (мифотворческое) мышление <...> еще не умеет замечать признаков, а тем более объединять их («характеризовать ими»). Оно берет любой предмет, имеющий реальные признаки величины, цвета, качества, назначения и т.д. и наделяет его образными, воображаемыми чертами» [11].

Итак, летописные тексты XIII-XV вв. содержат глагольно-именные устойчивые сочетания, отмеченные в исторических словарях. Словарные статьи и содержащиеся в них сведения являются достаточным основанием считать то или иное сочетание устойчивым, поскольку они были составлены на материале многих текстов. Однако не все встретившиеся нам сочетания глагольно-именного типа с компонентом *животъ* нашли отражение в словарных статьях исторических словарей.

Рассмотрим в качестве примера сочетание *остати в животѣ*: *клѧласѧ бо бѣста, яко вставишю в животѣ племени его, любовь имѣти* (Галицкая летопись), который можно перевести следующим образом: «Вы клялись, что, если дети будут живы, вы будете относиться к ним благо-склонно». Словосочетание *остати в животѣ* не зафиксировано в исторических словарях как устойчивое, в изучаемых летописных текстах встречается всего один раз, но оно интересно тем, что, как и все рассмотренные выше сочетания, выражает цельное значение – 'выжить', 'не умереть'. Кроме того, современному языку знакома не свободная с точки зрения сочетаемости единица *остаться в живых*, совпадающая по смыслу древнерусской. **Остаться**. 4. Не перестать быть каким-л., кем-л.; продолжить прежнее существование; не перестать находиться в прежнем состоянии. *О. в живых* (не умереть) (<http://gramota.ru/slovari/dic/>). Наличие дополнительного толкования, приведенного в скобках, указывает на традиционность сочетания *остаться в живых*, хотя современные фразеологические словари данную единицу не зафиксировали.

Еще одна глагольно-именная конструкция с компонентом *животъ*, встретившаяся в летописи, но не включенная в исторические словари, – *животъ приАти*. Она дважды встречается в рассматриваемых текстах. Обратимся к примерам:

• *самъ (Всеволод) изъ гра(д) изииде с маломъ дружины и несѧ со собою дары мнози, надѣа-ше бо сѧ ѡтъ него (Батыя) животъ приати, ѡнъ же яко свѣрпыи звѣрь, не пощади оуности его, велѣ предъ собою зарѣзати, и градъ всѣ избѣе* (Галицкая летопись);

• *р(ч)е же емоу, изведи мѧ на поуть правыи, животъ примеши, и вдасть емоу роукоу изведе его, и предоша рѣкоу Лѣкъ* (Галицкая летопись).

В словаре И.И. Срезневского находим аналогичные конструкции: *врѣдѣ приати* – 'заболеть', *смърть приати* – 'умереть'. С позиций современного русского языка *животъ приАти* можно было бы толковать как 'выжить, спастись'. Однако данные глаголы не вполне отражают семантику древнерусской языковой единицы. Жизнь в приведенных контекстах репрезентирована как нечто, что человек получает от своего врага, в случае если последний его пощадит, в то время как современные глаголы *выжить* и *спастись* указывают в первую очередь на самостоятельные действия субъекта. Следовательно, наиболее точно сочетание *животъ приАти* можно было бы перевести на современный русский язык как *быть помилованным*.

При анализе летописного текста нам встретилась глагольно-именное сочетание, антонимичное *животъ приАти*, – *дати (въдати) животъ*. Если *животъ приАти* 'быть помилованным', то *дати (въдати) животъ* 'помиловать', дословно – 'дать жизнь'. Приведем примеры:

• *а что гости иноземѣа въсѧкого языка, затвориша сѧ въ црквахъ, и въдаша имъ животъ, а товаръ съ ними роздѣлиша на полы* (Новгородская 1-я летопись. Синодальный список);

• *и почаша впрашати живыхъ [изыманы(х)] много ли ваши(х) назади, и рѣша много есть яко .з. тысѣ. ачѣ, наши же слышавше думаша вѣже дамы симъ животъ а Половецъ много есть назади, а на(с) есть мало, вѣже сѣ с ними начне(м) бити то се на(м) будутъ первши ворози, и избѣша я всѣ, не оупустивше ни* (Суздальская летопись).

Оба глагольно-именных сочетания отсутствуют в словарных статьях исторических словарей, кроме того, к ним трудно подобрать аналог из современного русского языка. Приведенные факты, возможно, следует объяснять несовпадением способов языковой репрезентации одной и той же идеи (представления о субъектно-объектных отношениях) в русском языке на разных этапах его развития.

Среди глагольно-именных сочетаний с компонентом *животъ* нам встретились и такие, которые следует квалифицировать как свободные. В качестве примера рассмотрим сочетание *не чаяти живота*:

• *и дани хотѣть (Татары), (Даниил Романович) живота не чають, и грозы приходѣть* (Галицкая летопись);

• *ны же оу ноужу сѣи болень есмь велми и не чаю собѣ живота, инѣ же сжаливѣси и р(ч)е аще была ти мыслѣ на пострижение, в томѣ еси волень* (Киевская летопись).

Глагол *чаяти* в приведенных контекстах означает 'надеяться' [10-3. С. 1485]. В первом примере говорится о том, что князь Даниил Романович не надеется остаться живым после татарского нашествия. Во втором контексте герой говорит о том, что он тяжело болен и уже не надеется на продолжение жизни, на выздоровление. Предположение о свободном характере лексической сочетаемости компонентов в данном случае основано на том, что единица не зафиксирована в исторических словарях и не знакома современному русскому языку. Сходный по структурно-семантическим особенностям фразеологизм *души не чають* представлен в современных фразеологических словарях следующим образом: **Не чають души** в ком. Экспрес. Очень сильно, безгранично любить кого-либо. Отец с матерью души в ней не чають: была у них Настенька одна-единственная дочь – детище моленное, прошеное (Мельников-Печерский. Бабушкины рассказы) [13]. С одной стороны, можно говорить о сближении данного фразеологизма с древним сочетанием *не чаяти живота* (ср. возможность замены компонентов *животъ* и *душа* в рассмотренных выше сочетаниях), с другой же стороны, происхождение единицы *души не чають* многие лингвисты связывают с глаголом *чуть* 'чувствовать', что ставит под сомнение вопрос о преемственности данных единиц.

Возможна и такая ситуация, что у глагольно-именного сочетания, не закреплённого в словаре, есть современный аналог. Обратимся к единице *лишити (лишати) живота*: *и переже было, стополкъ про волость чи не оуби, бориса и глѣба, а самъ чи долго поживе, но и здѣ живота лишень а внамо моучимъ естѣ вѣчно* (Киевская летопись). В данном фрагменте говорится о том, что Святополку, убившему братьев, и на том, и на этом свете жизни не будет. В современном русском языке есть аналогичный фразеологизм с компонентом *жизнь*: **Лишать жизни кого. Лишить жизни кого**. Книжн. Убивать. Что пользы мне, подумал я, лишать его жизни, когда он ею вовсе не дорожит (Пушкин. Выстрел) [13].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Компонент *животъ* древнерусских сочетаний соответствует современному *жизнь*. Это связано с тем, что существительное *животъ* утратило значение 'жизнь, существование', слово *жизнь* стало «стало общим обозначением жизни благодаря не только своей инородности по отношению к русскому языку <...>, но и своей универсальности» [2. С. 80].

2. Большинство летописных глагольно-именных сочетаний с компонентом *животъ* нашли отражение в исторических словарях русского языка. Как правило, единицы с ограниченной сочетаемостью расположены в заключительной части словарной статьи. Данные исторических словарей являются достаточным основанием считать то или иное сочетание устойчивым, поскольку они базируются на материале многих средневековых русских текстов.

3. Летописные произведения содержат ряд глагольно-именных сочетаний, не включённых в исторические словари русского языка, но тем не менее обладающих некоторыми признаками устойчивых единиц, такими как частотность употребления, слитность значения (*животъ приАти* 'быть помилованным', *дати (вѣдати) животъ* 'помиловать'), а также наличие в современном русском языке сходного по структуре и семантике фразеологизма (*остати в животѣ* 'выжить' – *остаться в живых*, *лишити (лишати) живота* 'убить' – *лишить (лишать) жизни*).

4. Формальное и семантическое сходство глагольно-именных устойчивых сочетаний в древнерусском и в современном русском языках не случайно (ср. *отѣдати животъ* – *отдать жизнь*, *положити животъ* – *положить жизнь* и т.д.). Оно свидетельствует о преемственности в языковом оформлении текстов одной тематики, а также о традиционности употребляемых выражений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабкин А.М. Русская фразеология: ее развитие и источники. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1970. 261 с.
2. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 312 с.
3. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 296 с.
4. Мокиенко В.М. В глубь поговорки. Рассказы о происхождении крылатых слов и образных выражений. М., Изд-ва: Азбука-классика, Авалонъ, 2005. 256 с.
5. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М: ЗАО «Олма Медиа Групп», 2007. 784 с.
6. Орлов А.С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М.: Имп. о-во истории и древностей Рос. при Моск. ун-те, 1902. 50 с.
7. Пименова М.В. Красотою украси : выражение эстетической оценки в древнерусском тексте. СПб.: СПбГУ; Владимир: ВГПУ, 2007. 415 с.
8. Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.): В 10 т. / С48 АН СССР. Ин-т рус. яз.; Гл. ред. Р.И. Аванесов. М.: Рус. яз., 1988.
9. Словарь русского языка XI-XVII вв. / АН СССР; Ин-т рус. яз.; Гл. ред. Ф.П. Филин. М.: Наука, 1975.
10. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Издание Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, 1893. Т. I. 1420 стб. ; 1902. Т. II. 1802 стб. ; 1912. Т. III. 1684 стб. Репр. изд.: М.: Знак, 2003.
11. Тазьмина И.Б. Лексемы с символической внутренней формой в системе образной лексики древнерусского языка // Филологические науки. Вып. 6. 2012. С. 29-30. URL: <http://research-journal.org/languages/leksemy-s-simvolicheskoy-vnutrennej-formoj-v-sisteme-obraznoj-leksiki-drevnerusskogo-yazyka/>.
12. Федоров А.И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII-начале XIX в. Новосибирск: Наука, Сибир. отд-ние, 1973. 172 с.
13. Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с. URL: <http://phraseology.academic.ru/>
14. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М.: Высш. шк., 1985. 192 с.

Поступила в редакцию 20.04.17

L.F. Kilina, S.R. Zaynullina

**VERBAL-NOMINAL IDIOMATIC COLLOCATIONS INCLUDING BASIC COMPONENT *ZHIVOT*:
FUNCTIONING AND DEVELOPMENT (ON THE BASIS OF RUSSIAN CHRONICLES OF THE 13th-15th
CENTURIES)**

The article deals with ancient Russian verbal-nominal idiomatic collocations including basic component *zhivot* in the functional and structural-semantic aspects. The study is based on texts of Russian chronicles of the 13th-15th centuries, represented in the Old Russian subcorpus of the Russian National Corpus. As a result of the analysis it was established that in the texts of the chronicles there are combinations, both fixed and not fixed in the historical dictionaries of the 11th-17th centuries. Idiomatic collocations are used to describe the situation of death, which can be sacrificial, as well as the situation of deliverance from death (saving life) for various reasons. All the considered combinations have the attributes of idiomatic collocations: frequency, the idiomatic character of meaning, correlation with a particular situation. The traditional nature of verbal-nominal idiomatic collocations including basic component *zhivot* is indicated by the fact that they formally and semantically come close to modern phraseological units.

Keywords: chronicle, idiomatic collocations, verbal-nominal, component, phraseological unit, meaning.

Килина Лилия Фаатовна,
кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой русского языка, теоретической
и прикладной лингвистики
E-mail: kilin_74@mail.ru

Зайнуллина Саида Радиковна,
кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры русского языка, теоретической
и прикладной лингвистики
E-mail: s.r.zajnullina@gmail.com

ФБГОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1

Kilina L.F.,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Head of Department of Russian Language,
Theoretical and Applied Linguistics
E-mail: kilin_74@mail.ru

Zaynullina S.R.,
Candidate of Philology, Senior Lecturer
at Department of Russian Language,
Theoretical and Applied Linguistics Department
E-mail: s.r.zajnullina@gmail.com

Udmurt State University
Universitetskaya st., 1, Izhevsk, Russia, 426034